

DOI 10.15826/qr.2016.3.175

УДК 711.168+72.038.11+725.1(470.5)

ОПЫТ УРАЛМАША В АРХИТЕКТУРЕ СОВЕТСКОГО АВАНГАРДА: ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ 1920–1930-х гг.*

Михаил Ильченко

Институт философии и права УрО РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

URALMASH IN THE ARCHITECTURE OF THE SOVIET AVANT-GARDE: AN EXPERIMENT IN CITY CONSTRUCTION IN THE 1920^s and 1930^s**

Mikhail Ilchenko

Institute of Philosophy and Law,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch),
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The article analyses a large-scale urban planning experiment held in the Soviet Union in the 1920s–1930s: the construction of the Uralmash socialist city. It is shown that this avant-garde project, considered a symbol of the era, was determined by multiple factors and thus represented complex social dynamics. The author argues that the analysis of these dynamics requires new theoretical instruments, since those extant largely utilise simplified schemes and explanations. This has meant that the study of Soviet urban planning is usually focused on the search for a certain fundamental principle which can explain all tendencies,

* Материал подготовлен при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-8766.2016.6).

** *Citation*: Ilchenko, M. (2016). Uralmash in the Architecture of the Soviet Avant-garde: An Experiment in City Construction in the 1920s and 30s. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 55–71. DOI 10.15826/qr.2016.3.175.

Цитирование: Ilchenko M. Uralmash in the Architecture of the Soviet Avant-garde: An Experiment in City Construction in the 1920s and 30s // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 55–71. DOI 10.15826/qr.2016.3.175 / Ильченко М. Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920–1930-х гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 55–71. DOI 10.15826/qr.2016.3.175.

challenges, and controversies. Such a principle can be either a subject (e.g. the 'authority' or 'architect-creator') or a certain universal phenomenon ('idea', 'style', 'technological progress'). Each of these categories provides a specific framework which allows the scholar to build an integral picture of the development of Soviet urban planning and give an explanation for architectural fashions. However, such a view on Soviet architecture is usually narrow and one-dimensional. Moreover, as the case of Uralmash shows, the meaning of these categories is sometimes highly ambiguous. For instance, the notion of 'power' does not always mean the existence of a gradually realised strategy or a clear system of regulation. In many cases, the 'strategy' was in fact based on a set of situational decisions; furthermore, certain processes remained beyond any control. Thus considered, if changes in architectural style had a crucial role for the overall development of Soviet architecture in the 1930s, then it meant nothing more for the architects involved than a simple change in the 'rules of the game': it thus had little impact on real building practices. For that reason, a comprehensive analysis of Soviet urban planning requires a critical review of these categories of analysis and the development of a new way to implement them into research.

Keywords: Soviet urban planning; avant-garde architecture; social practices; constructivism; socialist city.

На примере соцгорода Уралмаша анализируются условия реализации масштабного градостроительного эксперимента в Советском Союзе периода 1920–1930-х гг. Показано, что формирование авангардной застройки, ставшей своеобразным символом эпохи, определялось целой совокупностью факторов и во многом отражало сложную социальную динамику времени. Автор полагает, что анализ этой динамики требует новых инструментов, поскольку существующие подходы в большинстве своем ориентированы на использование упрощенных объяснительных моделей. Рассмотрение советского градостроительства в отечественных исследованиях, как правило, связано с неизменным поиском некоего общего фундаментального основания, которое смогло бы объяснить все его перипетии, противоречия и неоднозначные тенденции. В роли такого основания обычно выступает либо определенный субъект (например, власть или архитектор-творец), либо некий универсальный феномен (идея, стиль, технический прогресс). Каждая из этих категорий позволяет по-своему упорядочить все факты, выстроить цельную картину развития градостроительства и дать объяснение ключевым закономерностям. Однако предлагаемый взгляд нередко оказывается крайне узким и одномерным. Более того, как показывает пример Уралмаша, значение этих факторов в анализе реального градостроительного процесса в целом ряде случаев является весьма условным. Так, понятие «власть» далеко не всегда предполагало наличие последовательно реализуемой стратегии и существование четкой системы регулирования строительной деятельности. Во многих случаях за стратегией стояла совокупность ситуативно принимаемых решений, при этом отдельные процессы и вовсе оказывались вне ее фактического контроля. Смена архитектурного стиля, имевшая судьбоносное значение для разви-

тия советской архитектуры в целом, в условиях реализации конкретного градостроительного проекта означала для архитекторов не более чем изменение правил игры и слабо влияла на ход самого строительного процесса. Как следствие, для выявления природы градостроительных изменений 1920–1930-х гг. все эти категории требуют обстоятельного критического анализа и адекватного соотнесения друг с другом.

Ключевые слова: советское градостроительство; архитектура авангарда; конструктивизм; социальные практики; соцгород.

Одними из ключевых особенностей авангардного градостроительного эксперимента 1920–1930-х гг. в Советском Союзе были условия исключительной спешки и хаотичности его реализации. Строительство большинства объектов в городах и возведение новых поселений происходили при постоянной смене планов, управленческих стратегий и общих приоритетов в социальной политике. Решение многих судьбоносных для страны градостроительных вопросов в этот период, как выявлено в ряде обстоятельных исследований, не было подчинено какой-либо логике, а являлось подчас результатом сугубо конкретных обстоятельств [см.: Меерович, Конышева, Хмельницкий; Меерович; Яковлева, 2010б]. Однако общий тон исследовательских выводов сводится к разоблачительному послы, который имеет отчетливый нормативный оттенок: реальность оказалась иной, нежели светлые замыслы, которым не суждено было сбыться в советской действительности. Опираясь на неоспоримые аргументы в обосновании разрыва между декларациями и повседневными реалиями, такой подход не отвечает на вопрос об особенностях формирования и развития самой авангардной архитектуры в советских условиях. Ведь получается, что многочисленные сооружения, которые сегодня принято считать воплощением «рационального духа» и «торжества технологического расчета», оказывались результатом стихийности и непредсказуемости строительного процесса. При этом к ним относится и множество уникальных зданий, которые мы привыкли воспринимать в качестве образцов стиля. Каковы были условия их строительства? Как именно социальный контекст и общая «стихия стройки» определяли их облик? И способно ли обнаружение новых деталей и производственных подробностей процесса их сооружения изменить восприятие этих зданий в современных условиях? Подобные ракурсы рассмотрения авангардной архитектуры могут предложить качественно новые языки ее описания, что особенно важно для проблемы адаптации архитектурного индустриального наследия авангарда к современным городским реалиям как на функциональном, так и на символическом уровне. Особенно показательна судьба *соцгородов* – огромных индустриальных районов и самостоятельных поселений, оставивших современным российским городам пример наиболее яркого и противоречивого наследия советской эпохи градостроительных преобразований. Одним из них является построенный в период

первой пятилетки на окраине города Свердловска соцгород Уральского машиностроительного завода (Уралмаша).

Соцгород Уралмаш: логика проектирования в контексте логики времени

Стоит сказать, что архитектурной составляющей в строительстве соцгорода Уралмаша всегда отводилось довольно скромное место. В многочисленных отчетах, докладах и постановлениях, посвященных ходу работ по возведению Уральского завода тяжелого машиностроения (УЗТМ), речь о проектировании поселения для рабочих заходила, как правило, в самом конце, а вопросы его архитектурного оформления практически не упоминались. Организационно, концептуально и символически все было изначально подчинено одной главной цели – скорейшему пуску завода. Понять логику и значимость архитектурных экспериментов на Уралмаше важно именно в этом контексте. Создание рабочего поселка предполагалось проектировщиками завода с самого начала, но его роль мыслилась исключительно в качестве функционального приложения к общему производственному процессу, которое решало вполне конкретную задачу – обеспечение рабочих жильем. В проектировании поселка и соцгорода не принимали участие архитектурные звезды, его проекты не публиковались на страницах центральной прессы и не сопровождались широкими дискуссиями. Процесс проектирования соцгорода Уралмаша осуществлялся без лишней огласки, в рабочем режиме, в тихой и даже в некотором смысле камерной атмосфере.

Принято считать, что уникальность градостроительного эксперимента на Уралмаше состоит прежде всего в том, что соцгород удалось построить по единому плану и в рекордно короткие сроки [см., например: Екатеринбург: История города в архитектуре, с. 226]. С этим мнением действительно трудно поспорить, если под единым планом иметь в виду наличие концептуальной архитектурной идеи, а под короткими сроками – значимость ее реализации в динамике и развертывание во временном контексте. Однако видеть за этим поэтапное воплощение глобального замысла, которое, несмотря на относительно короткий исторический отрезок, по сути, вобрало в себя сразу несколько архитектурных эпох, было бы как минимум серьезным упрощением, а как максимум – ошибкой, не позволяющей разглядеть крайне важные черты в особенностях и характере развития соцгорода.

Первый проект рабочего поселка для Уралмаша появляется вместе с проектом всего завода, разработанным Государственным институтом по проектированию новых металлостроительных заводов Ленинграда в 1927 г. Проект Гипромеза, преследуя целью дать своего рода образцово-показательный пример по планировке завода тяжелого машиностро-

ния, издаётся в виде брошюры многотысячным тиражом и распространяется едва ли не по всем крупным учреждениям и библиотекам страны [Уральский машиностроительный завод в Свердловске (проект)]. Рабочий посёлок Уралмаша в нём – это абсолютно типичное поселение для рабочих завода своего времени. Посёлок предполагалось строить в непосредственной близости от заводской территории, ограждая от неё жилые кварталы линией зелёных насаждений. При производительности завода в 18 тыс. т в год население посёлка должно было составить около 24 тыс. жителей, в целом вполне соответствуя говардовским стандартам города-сада. В 1928 г. проект дорабатывается и пересоставляется уже непосредственно на месте сотрудниками технического отдела самого Уралмашиностроя. При этом к работе над ним привлекается «свежая кровь» – молодые представители новообразованного Свердловского отделения Объединения современных архитекторов (ОСА), которыми вовлечение в процесс проектирования завода, его цехов и отдельных зданий воспринимается как несомненный успех в идеологической борьбе с «враждебной стороной», представителями «старой архитектуры» [См.: Первая конференция общества современных архитекторов в Москве, с. 120–122]. Основные технические показатели проекта остаются прежними, формально мало что меняется, однако уже на этом этапе сама его идейная направленность постепенно становится несколько иной. Приглашённый из Ленинграда для работы в архитектурно-строительном отделе Уралмашиностроя молодой архитектор Пётр Оранский выдвигает несколько предложений по планировке, которые, по сути, в корне меняют идеологию проектирования городского поселения. Город предполагается вплотную приблизить к заводу, центральную площадь превратить в связующее звено между жилой зоной и заводской территорией, а в количестве жителей ориентироваться на цифру в 60 тыс. чел. Так постепенно обретает свои очертания идея превращения завода и города в единый пространственный организм с помощью лучевой системы планирования. Эта идея получает одобрение коллег и начальства, фактически воспринимается как руководство к действию, стимулируя новые архитектурные решения, однако сам проект оказывается обречён на постоянные пересмотры, корректировки и изменения в течение нескольких лет – то есть, по сути, на весь период наиболее интенсивного строительства соцгорода.

Показательно, что во многом схожая ситуация характеризует и процесс строительства самого завода. Несмотря на громкие заявления и лозунги о выполнении пятилетнего плана, к 1930 г., то есть по истечении более чем половины от намеченного срока пуска предприятия, крупный завод тяжёлого машиностроения даже на уровне проекта ещё не обретает своих основных характеристик, масштаба и содержания. В условиях слабого финансирования его строительство в эти годы идёт крайне неравномерно, а будущее остаётся весьма неопределённым [Толоконцев, с. 4]. Вполне естественно, что при

наличии таких проблем вопросы городского строительства отходят на задний план. Лишь летом 1931 г. Всесоюзное объединение тяжёлого машиностроения (ВОМТ) принимает окончательное решение об увеличении производительности завода до 100–150 тыс. т в год, что даёт мощный импульс к усилению темпов строительства и одновременно к очередному пересмотру проекта соцгорода. Существующий проект вновь подвергается корректировкам и дополнениям, проходя многочисленные инстанции и проверки [УЗТМ – Соцгород, с. 17–21]. И только в конце 1932 г. утверждается новый проект поселения, составленный Уралмашиностроем и Гипрогором на 170 тыс. жителей, соответствующий ключевым принципам проектирования социалистических городов [Уральский завод тяжёлого машиностроения, с. 118–126].

Характерно, что к этому моменту практически все ключевые постройки социальной городской инфраструктуры на Уралмаше либо уже функционируют, либо находятся на стадии строительства. Иными словами, те здания, которые сегодня принято причислять к категории памятников авангарда, получают свой облик или, по крайней мере, основные очертания ещё до утверждения окончательного проекта соцгорода. Более того, целый ряд значимых для города объектов строится в принципе вне какого бы то ни было плана, даже промежуточного. По воспоминаниям Моисея Рейшера, одного из ключевых архитекторов в истории Уралмаша, это оказывалось вынужденной мерой вследствие ограниченности в ресурсах и необходимости «построить больше при минимуме затрат» [С чего он начинался].

Но, пожалуй, красноречивее всего состояние общего архитектурного облика соцгорода и организации работ в этой сфере отражает формулировка заключения, сделанного правительственной комиссией по приёме УЗТМ весной 1933 г., то есть буквально за пару месяцев до пуска завода. Раздел соответствующего сборника документов, посвящённый темпам жилищного и социально-бытового строительства, завершает ёмкая и лаконичная характеристика: «Архитектурное оформление посёлка, в особенности центральной площади перед заводом, находится в неудовлетворительном состоянии. До сего времени заводоуправление не имеет даже соответствующего проекта» [Акт XVII, с. 6].

Все эти свидетельства отчётливо говорят об одном: архитектурный образ соцгорода Уралмаша складывался не только и не столько в результате реализации принятого проекта и строгого следования плану, сколько в результате совокупности ситуативных, нестандартных решений самих проектировщиков, вызванных постоянно меняющимися обстоятельствами и условиями их работы. В какой-то степени архитектурный облик соцгорода становился производной самой стихии строительства и был подчинён своей особой внутренней логике. Это обстоятельство ни в коем случае не умаляет ценности самих построек и проектов, предложенных их авторами. Скорее наоборот – оно лишь подчёркивает их уникальность и своеобразие.

Но при этом позволяет посмотреть на них с несколько иной стороны, предлагая тем самым способы описания авангардной архитектуры, выходящие за рамки её привычных нарративов.

Авангард как продукт эпохи: условия формирования конструктивистской застройки

История строительства едва ли не всех знаковых построек Уралмаша – это история неожиданных решений, творческих импровизаций и постоянной корректировки целей. В этом смысле их довольно трудно оценивать традиционными для авангардной архитектуры категориями поэтапной реализации замысла и рационального движения к цели. Подобные тенденции можно обнаружить практически на каждой крупной стройке того времени, однако в случае с Уралмашем они получили особый размах и подчёркивались сразу несколькими обстоятельствами.

Во-первых, процесс строительства ключевых сооружений соцгорода совпал с периодом наиболее жарких архитектурных дискуссий рубежа первых советских десятилетий и при этом в значительной степени пришёлся именно на начало 1930-х гг., то есть на период доминирования авангардных течений, в частности конструктивизма. Во-вторых, этот процесс отличался особой интенсивностью – большинство ключевых сооружений соцгорода было построено буквально за два-три года. И, в-третьих, как уже отмечалось, проектирование архитектурных объектов шло в закрытом рабочем режиме, не сопровождалось публичными обсуждениями и осуществлялось группой молодых архитекторов, по большей части не имевших соответствующего профессионального опыта, что уже само по себе предполагало использование нестандартных решений и приёмов. Как вспоминал Моисей Рейшер, из-за молодого возраста архитекторов руководители завода нередко в шутку называли проектный отдел Уралмашстроя детским садом, при этом сама деятельность его сотрудников состояла в непрерывной круглосуточной разработке чертежей в отсутствие каких бы то ни было нормативов и образцов [Рейшер, с. 59].

В таких условиях проекты городских сооружений претерпевали постоянные изменения, а существенные коррективы зачастую вносились даже в уже утверждённые и одобренные высшим руководством варианты. Изначальный проект здания крайне редко соответствовал конечному результату. В одних случаях менялся облик сооружения, в других – его функция. Так, например, здание Дома технической учёбы, одного из ключевых административных сооружений района, во многом определивших облик его центральной площади, изначально проектировалось как жилой дом-коммуна. Решение разместить в нём конторские помещения и учебные аудитории было принято с учётом удобного расположения (напротив проходной завода) и внушитель-

ного для строящегося города масштаба. Впрочем, и сегодня в его композиции, структуре и облике угадываются изначальный замысел и очевидное влияние московских архитекторов, разработывавших идеи пространственной организации домов-коммун [Хан-Магомедов, 2007, с. 66–68].

Знаменитый жилой комплекс, известный среди жителей района как «дом-пила», также обрёл свой образ на самом финальном этапе проектирования в результате неожиданного предложения Петра Оранского расположить шесть каменных жилых корпусов не в стандартном линейном плане по отношению к центральной улице Осевой, а под прямым углом друг к другу [Маллер, с. 4; Анфимов, ч. 1, с. 109–110]. В общем плане структура здания стала напоминать форму зигзага, а сведённые друг к другу корпуса – своеобразные «зубья». В результате типовой стандартный жилой проект приобрёл яркий индивидуальный облик и, самое главное, статус особого символического места на карте района.

Значительные трансформации в процессе обсуждения претерпел даже проект знаменитой Белой Башни – сооружения, которое, казалось бы, самым своим образом призвано было демонстрировать торжество цельности и лаконичности изначальной архитектурной идеи. В ходе рассмотрения проекта башни, предложенного Моисеем Рейшером и предполагавшего использование двух колонн в качестве опоры для бака с водой, главный инженер завода Владимир Фидлер, сомневаясь в прочности конструкции, предложил добавить в рабочие чертежи ещё две железобетонные стойки. Это можно было бы считать сугубо производственным малозначительным моментом. Однако даже при беглом взгляде на изначальный проект Рейшера и итоговый вариант становится очевидным их разительное отличие в пропорциях, отдельных деталях и способе подачи. В сущности, в этих двух проектах предлагались два разных сооружения. Сам Рейшер писал, что предложение главного инженера «значительно ухудшило чёткость первоначального композиционного решения и утяжелило конструктивную схему» [Воспоминания Моисея Рейшера]. Однако утвердившийся сегодня в общественном сознании итоговый образ башни, несущий в себе наряду с ясным функциональным посылом определённые романтические черты, во многом являлся результатом внесённых в её изначальный проект корректив. В этом смысле, не умаляя заслуг Моисея Рейшера, Белая Башня выступала итогом коллективного творчества, в котором художественные идеи и импровизация молодых архитекторов переплетались с сугубо прагматичными решениями руководства и техническими условиями строительства.

Показательно, что не менее часто решение об изменении облика здания вынужденно принималось уже по ходу самого строительства. Поводом для этого могли стать нехватка ресурсов, ограничения в финансировании или непредвиденные обстоятельства. Обычно такая ситуация касалась типовой жилой застройки, но нередко она опреде-

ляла художественный образ и знаковых общественных сооружений. Так, в частности, первый в соцгороде кинотеатр «Темп» планировалось построить в виде двухэтажного здания с несколькими кинозалами. По проекту он должен был определять облик улицы, на которой сосредотачивались основные культурно-досуговые учреждения соцгорода. Однако из-за неожиданно возникшей аварии здание оказалось под угрозой разрушения [Анфимов, ч. 2, с. 78–79]. В результате восстановительных работ его удалось спасти, но от строительства второго этажа при этом пришлось отказаться. Как следствие, сооружение кинотеатра приобрело внешне нескладный, но одновременно нестандартный и запоминающийся вид – одноэтажный объём с непропорционально широкой двускатной крышей, превратившись при этом в одну из визитных карточек всего района.

В этом смысле образ целого ряда ключевых построек Уралмаша, признанных сегодня памятниками архитектуры, складывался постепенно и формировался со временем, будучи подчинённым логике развития самого соцгорода и являясь результатом непредсказуемости условий его строительства. Композиция, структура, внешний облик и эстетика этих сооружений определялись не столько конкретными архитекторами, принадлежностью к художественному течению, программами строительства или распоряжениями руководства, сколько совокупностью множества обстоятельств, вынужденных решений и случайностей, что лишь подчёркивало их особую глубинную связь со временем и эпохой.

Наиболее яркий символический пример – судьба комплекса так называемого «старого ДК» Уралмаша, занимающего площадь целого квартала вдоль одного из основных «лучей» соцгорода – бульвара Культуры. История здания началась со строительства в 1929 г. корпуса фабрики-кухни, призванной обеспечить питанием работников завода и жителей строящегося города. Здание возводилось по образцам аналогичных московских построек и самим своим объёмом резко выделялось на фоне общей застройки, быстро превратившись в одну из городских достопримечательностей. В 1933 г., пытаясь решить проблему отсутствия в соцгороде полноценного дворца культуры, руководство завода в целях экономии средств решает объединить его в едином здании с фабрикой-кухней и строит для этого отдельный торговый корпус, выходящий фасадом на улицу Культуры. Позже оба корпуса соединяются системой переходов, а само здание в течение десятилетия переживает сразу несколько реконструкций.

Результатом становится появление сложного многофункционального и уникального по своей композиции и структуре комплекса, объединяющего в себе приметы различных архитектурных направлений, градостроительных приёмов, а также следы творчества сразу целой группы архитекторов. Художественный и композиционный образ этого здания сложно свести не только к конкретному автору, но и в принципе редуцировать до какого-либо конкретного течения,

исторического отрезка или события. Логика его строительства – это логика строительства всего района, сложная, неочевидная и противоречивая, во многом созвучная неоднозначному характеру самой градостроительной эпохи. Вполне естественно, что применение к её анализу привычных обобщённых категорий описания авангардной архитектуры оказывается малоэффективным. Такой ракурс рассмотрения авангардной архитектуры, напротив, заставляет подвергать эти категории обстоятельному критическому разбору, одной из которых является категория архитектурного стиля.

Смена эпох: «запрет на авангард» в формировании архитектурного облика соцгорода

Пожалуй, нигде больше понятие архитектурного стиля не получило такого широкого распространения среди специалистов социальных и исторических дисциплин, как в случае описания градостроительной политики Советского Союза 1920–1930-х гг. Категория, по обыкновению используемая искусствоведами и историками архитектуры, превратилась в едва ли ни ключевой объяснительный инструмент анализа культурных изменений сталинского периода. Стиль при этом стал не просто способом маркировки определённых архитектурных течений и направлений, но своего рода метафорой, призванной обозначать границу двух эпох – «старой» (авангардной, романтической, революционной) и «новой» (сталинской, консервативной, неоклассической).

Вместе с тем, даже чуть более пристальный «формальный» искусствоведческий взгляд на архитектурные тенденции советского государства 1930-х гг. отчётливо даёт понять, что любое проведение какой-либо жёсткой хронологической границы в данном случае является весьма условным. Большинство исследований, посвящённых художественным поискам советских архитекторов 1930-х гг., однозначно указывает на то, что для самих градостроителей смена стиля, в сущности, означала лишь смену правил игры – необходимость тем или иным способом встроиться в новые условия и формально соответствовать требованиям власти, впервые обозначенным в знаменитом постановлении «О перестройке литературно-художественных организаций» 1932 г. [Хан-Магомедов, 2003; Яковлева, 2010а; Басс; Ильченко]. Но даже на уровне правил игры эта смена была очевидна далеко не всегда – в условиях тотальной спешки, погони за выполнением планов и постоянной нехватки ресурсов на большинстве строек она попросту уходила на второй план и оказывалась растянута во времени. В этой связи вполне логичным является вопрос, насколько в принципе понятие смены стиля является адекватным при объяснении изменений, происходивших в советской архитектуре 1930-х гг. Ведь если сами историки архитектуры

и искусствоведы большую часть этого периода описывают в терминах «переходного», «гибридного» стиля и «поисков формы», то что это понятие может дать для анализа социальной динамики советской архитектуры? Стоит ли искусственно проводить границу между эпохами там, где обнаружить её практически невозможно? И не затрудняет ли маркировка стилем само понимание сложной динамики архитектурных изменений, происходивших в 1930-е гг. в самых разных уголках советского государства?

На Уралмаше смена архитектурных эпох оказалась, в сущности, незаметной. И дело даже не в том, что сама архитектурная проблематика, как уже отмечалось, изначально была отодвинута на второй план решением более насущных производственных задач. Совершенно очевидно, что в условиях спешки с пуском завода в срок к лету 1933 г. любые дискуссии вокруг поиска новых архитектурных форм, пусть и инспирированные властью, попросту не представляли никакого значения для реального процесса строительства.

Отличительная особенность Уралмаша заключалась в том, что уже к 1932 г. соцгород имел абсолютно чёткую сложившуюся градостроительную структуру, которая при любом раскладе не могла подвергаться каким-либо существенным изменениям. Изменения могли претерпевать отдельные планировочные решения, технические характеристики, особенности застройки конкретных кварталов и жилых комплексов, но не сама исходная логика, заложенная в пространственное устройство уралмашевского поселения. И именно этой структуре, а не в конкретных зданиях наиболее ярко проявлялась принадлежность соцгорода к авангардному периоду застройки. Сама пространственная организация поселения, позволившая скрепить воедино территорию завода и жилой зоны, воплощала в себе идею предельно функционально сконструированного нового города, символа эпохи. Любое новое сооружение, какие бы стилистические особенности оно с собой ни несло, было вынуждено встраиваться в эту структуру и принимать её правила. Именно это и определяло логику развития соцгорода в 1930-е гг. – новые выстроенные в духе неоклассики парадные здания вырастали одно за другим, но при этом вписывались в уже сложившиеся архитектурные условия, словно занимая заранее заданное им место.

Характерный пример – узловое пространство соцгорода, площадь Первой пятилетки. Формирование её ансамбля растягивается почти на десять лет, совпадая с конструктивистскими экспериментами, периодом архитектурного «безвременья» и «сменой эпох». К середине 1930-х гг. облик площади определяется исключительно строгой функционалистской архитектурой – типовой конструктивистской постройкой здания заводской лаборатории, эффектной геометрией Дома техучёбы и сдержанными фасадами мощного здания заводоуправления с отчётливым влиянием «Баухауза». Однако завершающим акцентом в оформлении площади становится

сооружение гостиницы «Мадрид», строительство которой начинается в 1933 г. Крупное, обильно декорированное здание отличалось от окружающей застройки пышностью фасадов и торжественностью подачи. Между тем, оно не просто стало составной частью общего ансамбля площади, но фактически заняло в нём ключевое композиционное положение. По воспоминаниям современников, именно здание гостиницы придавало площади законченный вид и цельность [Анфимов, ч. 2, с. 12–13].

Структурно, идеологически и композиционно здание «Мадрида» соответствовало изначальной концепции застройки площади, которая оказывалась полностью реализованной вместе с возведением нового сооружения. Тот факт, что это происходило в условиях новых стилистических предписаний, по сути, имел для градостроителей второстепенное значение. Авторами проекта гостиницы выступали архитекторы, спроектировавшие основное ядро конструктивистской застройки соцгорода – Пётр Оранский и Виктор Безруков. Оформление нового объекта в духе неоклассики не означало для них отступления ни от градостроительной стратегии, ни от собственных профессиональных принципов, а лишь предполагало необходимость максимально эффективно привести разработанные ими проекты в соответствие с новыми требованиями власти.

Характерно, что, несмотря на кардинально отличающийся внешний облик, для современников новые декорированные здания нередко словно бы продолжали существовать в прежней, вполне «конструктивистской» системе координат. Так, например, один из первостроителей Уралмаша Виктор Анфимов писал о «Мадриде» как о здании, привлекательном «в своей строгой красоте» [Анфимов, ч. 2, с. 13]. В восприятии большинства жителей соцгорода внешний облик и стиль зданий оказывались малозначимыми и как таковые, по сути, не считывались. Значимыми оказывались их функциональность, удобство, способность реализовать и продолжить задуманные и уже начатые строительные проекты. Именно этими факторами и определялась их красота.

Точно так же смена архитектурной политики и формальный отказ от авангарда мало отразились на восприятии зданий в стиле конструктивизма. Авангардная архитектура, составившая основу застройки соцгорода, во многом стала его олицетворением. С геометрией и формами этих сооружений ассоциировалось само строительство Уралмаша, а некоторые постройки за короткий срок превратились в своеобразные символы района. Так, даже в 1937 г. в условиях тотальной критики «коробчатого конструктивистского стиля» ничто не помешало Петру Оранскому охарактеризовать Белую Башню как «прекрасное, правдивое в своей функции и архитектурно выразительное здание» [Оранский, с. 24].

Некоторые явления в истории Уралмаша при рассмотрении через призму смены стиля и вовсе кажутся парадоксальными. Так,

например, неоднозначный характер приобретают традиционные оценки влияния на архитектуру соцгорода наследия немецкой школы «Баухауз». Её представитель архитектор Бела Шефлер прибывает в Свердловск и приступает к работе в проектно-конструкторском отделе Уралмашстроя в середине 1932 г., то есть как раз в тот момент, когда власть заявляет о кардинальной смене художественной политики и отказе от «формализма» [Сведения из документов личного дела ОК УЗТМ; Баухауз на Урале]. Период наиболее интенсивной деятельности Шефлера на Уралмаше (1933–1937) приходится на время жёсткой и непрерывно усиливавшейся критики любых проявлений авангардизма в архитектуре. При этом основным направлением его работы становится разработка малых архитектурных форм, внутренняя отделка помещений, проектирование мебели и пр. [Характеристика на тов. Шефлер Б. М.]. Как следствие, выходец из интеллектуального центра, задающего тенденции современной авангардной архитектуры, применяет свои практические знания в условиях отрицания самого принципа авангарда и фактически без возможности влиять на принятие значимых градостроительных решений.

На самом деле подобного рода перипетии – абсолютно естественная составляющая архитектурной практики 1930-х гг. Переплетение стилей, сочетание художественных языков, камуфлирование авангардных форм и их скрытые перевоплощения – всё это сосуществовало в едином потоке градостроительных изменений, в конечном итоге и определяя визуальный образ новых городов. В этой динамике можно пытаться проводить границы стилей, маркировать «эпохи» и «периоды», выявлять «гибридные формы». Однако вряд ли это поможет понять саму логику архитектурных изменений. Скорее наоборот: при таком подходе существует серьёзный риск не только упустить из виду важные тенденции и закономерности в развитии, но и в принципе отдалиться от реальной картины изменений. В конечном счёте значимость наследия Шефлера на Уралмаше определяется не самим фактом присутствия бренда «Баухауз», а характером вписанности в архитектурный облик соцгорода и созвучия с ним. Объяснение этого созвучия в состоянии раскрыть природу архитектурных изменений эпохи гораздо глубже, чем стремление искусственно поместить архитектурное наследие в готовые типологические и понятийные рамки.

* * *

Так сложилось, что рассмотрение советского градостроительства в отечественных исследованиях, как правило, связано с неизменным поиском некоего общего фундаментального основания, которое смогло бы объяснить все его перипетии, противоречия и неоднозначные тенденции. В роли такого основания обычно выступает либо определённый субъект (например, власть или архитектор-творец), либо некий универсальный феномен (идея, стиль, технический про-

гресс). Каждая из этих категорий позволяет по-своему упорядочить все факты, выстроить цельную картину развития градостроительства и дать объяснение ключевым закономерностям. Так, например, если в качестве определяющего фактора рассматривается власть, градостроительная практика предстаёт своего рода средством регулирования и контроля, архитекторы – выразителями властных требований, стиль – набором предписаний, а собственно архитектура – визуальным воплощением идеологии. Если же ключевой становится, допустим, художественная идея, то архитекторы превращаются в «творцов нового мира», стиль – в язык эпохи, а власть – в проводника новой идеологии. Все эти подходы имеют несомненное право на существование, поскольку затрагивают важнейшие аспекты архитектурного развития. Однако проблема заключается в том, что в большинстве случаев их претензия распространяется на глобальные исчерпывающие объяснения, при том, что взгляд на градостроительные процессы остаётся одномерным и достаточно узким.

Вместе с тем, даже общее рассмотрение условий реализации крупных градостроительных проектов 1920–1930-х гг. отчётливо даёт понять, что возведение новых архитектурных комплексов в различных регионах страны определялось целой совокупностью факторов и, по сути, складывалось из множества обстоятельств. Дело даже не в том, что сам процесс строительства был стихийным и малопредсказуемым. Важно то, что значительная часть архитектурных сооружений воздвигалась в условиях отсутствия каких бы то ни было чётких ориентиров, стандартов и образцов для подражания, что само по себе заставляет рассматривать их как своеобразный продукт времени, результат сложения многих факторов – творческой импровизации архитекторов, социальных требований и запросов, использования имеющихся ресурсов и пр.

В этом смысле, опираясь на пример соцгорода Уралмаша, логично задаться вопросом о том, какое в действительности значение несут с собой те упомянутые выше категории в применении к описанию реальных градостроительных практик в советских условиях 1920–1930-х гг. Что, например, стоит понимать под архитектурной политикой власти, когда многие её стратегии, в сущности, складывались из совокупности ситуативно принимаемых решений, а отдельные градостроительные процессы в регионах нередко и вовсе оказывались вне её фактического контроля? Насколько в контексте анализа реального градостроительного процесса оправдано использование понятия архитектурного стиля, если для самих архитекторов-проектировщиков оно, как правило, имело второстепенное значение, а в реальной архитектурной динамике растворялось в «гибридности» и «промежуточных формах»? Стоит ли по-прежнему делать столь сильный акцент на факторе авторства архитектурных сооружений, если в случае многих проектов оно оказывалось коллективным, а попытка его формальной маркировки попросту становилась условностью?

Постановка этих вопросов не предполагает отказа от упомянутых категорий, но скорее указывает на необходимость их обстоятельной критической оценки. Анализ градостроительной жизни первых двух советских десятилетий заставляет каждый раз складывать все эти факторы в новом порядке с тем, чтобы избежать появления упрощённых моделей и объяснений. Кроме того, такой подход даёт понять, что социальность или социальный контекст, которые нередко используются в объяснениях архитектурных изменений в качестве фигур речи, представляют собой не просто исторический фон, а как раз и являются тем материалом, из которого формировалась архитектура советского авангарда.

Список литературы

Акт XVII : Жилищное строительство // Сборник актов и заключений правительственной комиссии по приёме УЗТМ : Апрель-май 1933 г. Свердловск : Изд. УЗТМ, 1933.

Анфимов В. Н. Соцгород Уральского завода тяжёлого машиностроения. 1929–1975 гг. Свердловск – Уралмаш. 1979—1984 : [рукопись] // Фонд Музея истории Уралмашзавода. Машинопись. 144 л.

Анфимов В. Н. Истории строительства улиц, некоторых сооружений и событий в соцгороде Уралмашзавода. 1929–1975 гг. : [рукопись] // Фонд Музея истории Уралмашзавода. Машинопись, 1984 г.

Басс В. Г. Страна победившего маньеризма // Архитектура сталинской эпохи : Опыт исторического осмысления / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М. : КомКнига, 2010. С. 100–111.

Баухауз на Урале : Сохранение наследия : материалы междунар. науч. семинара, Екатеринбург, 22–24 авг. 2008 г. / науч. ред. Л. И. Токменинова. Екатеринбург : Веб-стер, 2010. 154 с.

Воспоминания Моисея Рейшера : [рукопись] / Музей истории Уралмашзавода. [Фонд воспоминаний]. Б. г.

Екатеринбург : История города в архитектуре. Екатеринбург : Сократ, 2008. 260 с.

Ильченко М. С. Советские архитекторы и институты власти в 1930–1950-х годах: стратегии взаимодействия // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. № 2 (22). С. 87–96.

Маллер С. Дом-пила // За тяжёлое машиностроение. 1982. 16 июня.

Меерович М. Г. Фордизм и постфордизм. Альберт Кан и Эрнст Май : США и Германия в борьбе за советскую индустриализацию // Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М. С. Ильченко, В. С. Мартыянова. М. : Политич. энцикл., 2015. С. 171–222.

Меерович М. Г., Коньшева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М. : РОССПЭН, 2011. 270 с.

Оранский П. В. Архитектурная практика Уралмаша // Опыт стройки. 1937. № 6. С. 24–25.

Первая конференция общества современных архитекторов в Москве : информ. докл. делегатов с мест // Современная архитектура. 1928. № 4. С. 120–122.

Рейшер М. В. Жизнь, посвящённая городу // Стройкомплекс Среднего Урала. 2001–2002. Дек.-январь.

С чего он начинался // За тяжёлое машиностроение. 1974. 22 октября.

Сведения из документов личного дела ОК УЗТМ. Шефлер Б. М. // Архив Музея истории Уралмашзавода.

Толоконцев А. Ф. Детище пятилетки // Уральский завод тяжёлого машиностроения : 1928–1933. Свердловск : Урал. обл. гос. изд-во, 1933.

УЗТМ – Соцгород! // УЗТМ : произв.-технич. журн. Урал. завода тяжёлого машиностроения. 1933. № 3. Июль-авг. С. 17–21.

Уральский завод тяжёлого машиностроения : 1928–1933. Свердловск : Урал. обл. гос. изд-во, 1933.

Уральский машиностроительный завод в Свердловске (проект). Ленинград : Изд. Гос. ин-та по проектированию новых металлзаводов, 1928. 236 с.

Хан-Магомедов С. О. Илья Голосов. М. : Архитектура-С, 2007. 104 с.

Хан-Магомедов С. О. Конструктивизм – концепция формообразования. М. : Стройиздат, 2003. 576 с.

Характеристика на тов. Шефлер Б. М. от 19.09.1939 // Архив Музея истории Урал-машзавода.

Яковлева Г. Н. Творчество советских архитекторов предвоенного времени и власть // Архитектура сталинской эпохи : Опыт исторического осмысления / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М. : КомКнига, 2010а. С. 25–30.

Яковлева Г. Н. Три проекта перепланировки Москвы (1918–1925) // Советское градостроительство 1920–1930-х годов : Новые исследования и материалы / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М. : ЛИБРОКОМ, 2010б. С. 44–70.

References

Akt XVII : *Zhilishchnoe stroitel'stvo* [Housebuilding]. (1933). In *Sbornik aktov i zaklyucheny pravitel'stvennoy komissii po priemke UZTM*. Apr. – may 1933 g. 223 p. Sverdlovsk, Izdanie UZTM.

Anfimov, V. N. (1979–1984). *Sotsgorod Ural'skogo zavoda tyazhelogo mashinostroeniya. 1929–1975 gg.* [Social City of the Ural Heavy Machine Building Plant]. Part 1. (Rukopis' iz fonda Muzeya istorii Uralmashzavoda). 144 leafs. Sverdlovsk, Uralmash.

Anfimov, V. N. (1984). *Istorii stroitel'stva ulits, nekotorykh sooruzheniy i sobyty v sotsgorode Uralmashzavoda. 1929–1975 gg.* [The History of Construction of Some Streets, Buildings and Events in the Socialist City of the Ural Heavy Machine Building Plant]. Part 2. (Rukopis' iz fonda Muzeya istorii Uralmashzavoda). Sverdlovsk, Uralmash.

Bass, V. G. (2010). *Strana pobedivshego man'erizma* [The Country of Victorious Manierism]. In Kosenkova, Yu. L. (Comp., Ed.). *Arkhitektura stalinskoy epokhi : Opyt istoricheskogo osmysleniya* (pp. 100–111). Moscow, KomKniga.

Ekaterinburg : Istoriya goroda v arkhitekture [Yekaterinburg: The History of the City in the Architecture]. (2008). 260 p. Yekaterinburg, Sokrat.

Il'chenko, M. S. (2013). *Sovetskie arkhitektory i instituty vlasti v 1930–1950-kh godakh: strategii vzaimodeystviya* [Soviet Architects and Power Institutions in the 1930s–1950s: Strategies of Interaction]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya, 2* (22), pp. 87–96.

Khan-Magomedov, S. O. (2007). *Il'ya Golosov* [Ilya Golosov]. 104 p. Moscow, Arkhitektura-S.

Khan-Magomedov, S. O. (2003). *Konstruktivizm – kontseptsiya formoobrazovaniya* [Constructivism – The Concept of the Formation]. 576 p. Moscow, Stroyizdat.

Kharakteristika na tov. Shefler B. M. ot 19.09.1939 [Characteristics of com. Shefler B. M.]. In *Arkhiv muzeya Istorii Uralmashzavoda*.

Maller, S. (1982). *Dom-pila* [Saw-House]. In *Za tyazheloe mashinostroenie*, June 16, p. 4.

Meerovich, M. G. (2015). *Fordizm i postfordizm. Al'bert Kan i Ernst May : SShA i Germaniya v bor'be za sovetskuyu industrializatsiyu* [Fordism and Post-Fordism. Albert Kan and Ernst May: USA and Germany in the Struggle for Soviet Industrialization]. In Il'chenko, M. S. & Mart'yanov, V. S. (Eds.). *Postfordizm: kontseptsii, instituty, praktiki* (pp. 171–222). Moscow, Politicheskaya entsiklopediya.

Meerovich, M. G., Konysheva E. V. & Khmel'ni'tsky, D. S. (2011). *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.)* [The Cemetery of Socialist Cities: Urban Planning Policy in the USSR (1928–1932)]. 270 p. Moscow, ROSSPEN.

Oransky, P. V. (1937). *Arkhitekturnaya praktika Uralmasha* [Architectural Practice of the Uralmash]. In *Opyt stroyki, 6*, pp. 24–25.

Pervaya konferentsiya obshchestva sovremennykh arkhitektorov v Moskve : informatsionnye doklady delegatov s mest [The First Conference of the Organization of Contemporary Architects. Information Reports of the Delegates from the Regions]. (1928). In *Sovremennaya arkhitektura, 4*, pp. 120–122.

Reysner, M. V. (2001–2002). *Zhizn', posvyashchennaya gorodu* [A Life Devoted to the City]. In *Stroykompleks Srednego Urala*, Dec.–Jan.

S chego on nachinalsya [What It Began From]. (1974). In *Za tyazheloe mashinostroenie*, Oct. 22.

Svedeniya iz dokumentov lichnogo dela OK UZTM. Shefler B. M. [Information from the Documents of the Personal Data File. Shefler B.M.]. In *Arkhiv muzeya Istorii Uralmashzavoda*.

Tokmeninova, L. I. (Ed.). (2010). *Baukhauz na Urale : Sokhranenie naslediya : materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara, Ekaterinburg, 22–24 avgusta 2008 g.* [Bauhaus in the Urals. Preservation of the Heritage: Materials of the International Research Seminar]. 154 p. Yekaterinburg, Vebster.

Tolokontsev, A. F. (1933). *Detishche pyatiletki* [Brainchild of the Five-Year Plan Period]. In *Ural'sky zavod tyazhelogo mashinostroeniya : 1928–1933*. Sverdlovsk, Ural'skoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Ural'sky mashinostroitel'nyy zavod v Sverdlovsk (proekt) [The Ural Heavy Machine Building Plant in Sverdlovsk]. (1928). 236 p. Leningrad, Izdanie Gosudarstvennogo instituta po proektirovaniyu novykh metallozavodov.

Ural'sky zavod tyazhelogo mashinostroeniya : 1928–1933 [The Ural Heavy Machine Building Plant]. (1933). 170 p. Sverdlovsk, Ural'skoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.

UZTM – Sotsgorod! [The Ural Heavy Machine Building Plant is a Socialist City!]. (1933). In *UZTM : proizvodstvenno-tekhnichesky zhurnal Ural'skogo zavoda tyazhelogo mashinostroeniya*, 3, July–Aug., pp. 17–21.

Vospominaniya Moiseya Reyshera [rukopis'-tetrad'] [Memoirs of Moisey Reischer]. (n. d.). In *Fond vospominany Muzeya istorii Uralmashzavoda*.

Yakovleva, G. N. (2010). *Tri projekta pereplanirovki Moskvy (1918–1925)* [Three Projects of Replanning Moscow (1918–1925)]. In Kosenkova, Yu. L. (Comp., Ed.). *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1920–1930-kh godov : Nove issledovaniya i materialy* (pp. 44–70). Moscow, LIBROKOM.

Yakovleva, G. N. (2010). *Tvorchestvo sovetских arkhitektorov predvoennogo vremeni i vlast'* [Creativity of the Soviet Architects in the Pre-War Era and Power]. In Kosenkova, Yu. L. (Comp., Ed.). *Arkhitektura stalinskoy epokhi : Opyt istoricheskogo osmysleniya* (pp. 25–30). Moscow, KomKniga.

The article was submitted on 15.02.2016